

славянского «бремя» и русского «беремя», тогда как «метати камены» — ходовая воинская формула: соответствующий церковно-славянский перфективный оборот — «вреди камены», и не исключена возможность, что «времены» — контаминация обоих этих слов. Фраза 112 о нечестном пролитии поганой крови как предпосылке Игорева поражения звучит загадочно вопреки потугам комментаторов. В Ипатьевской летописи Игорь объясняет свое крушение небесным возмездием за бесчестное пролитие христианской крови; если тот же мотив выступал и в «Слове», переписчик, недоумевая, какую «кровь праведную» проливал отважный противник половцев, мог заменить ее «кровью поганою».

Наряду с единичными примерами метатезы букв (98 «босуви» вм. «бусови») в рукописи замечены случаи перестановки слов (61) и словосочетаний (103—105 и может быть 4—6).

Но критика текста «Слова», конечно, не сводится к правке мусин-пушкинского издания и сгоревшей мусин-пушкинской рукописи. Словарные и фразеологические единицы памятника и все его морфологические и синтаксические формы настоятельно требовали точной интерпретации. Их традиционный перевод «на употребляемое ныне наречие» во многих случаях существенно расходится с нашими нынешними познаниями в исторической лексике и грамматике русского языка.

Словарный и морфологический состав памятника окончательно выясняется. Мнимые парахы «Слова» один за другим обнаруживаются в других документах. Так, 196 «чаица» встретила нам в нижненемецком учебнике русского языка, написанном в Пскове на пороге XVII в.: близкую параллель к употреблению императива 30 «рци», в значении «точнее говоря», «точно» дает древний азбучный акростих: «Пилату мя прѣдасте, рѣцѣта безаконикомь». Надежные сведения по древнерусской морфологии, которыми в настоящее время располагает наука, должны положить конец сомнениям и пререканиям вокруг таких исправных примеров аориста в «Слове», как 12 «съпала» и 34 «запала» от «палати», 183 «съпряже» от «съпрячи» (глагола сродного и однозначного с формой «съпряжити»), 197 «ростьре» от «ростерети», 136 «утьрпе» — первичное образование от «утьрпнути» и 6 «истягну» — вторичное образование от «истягнути». Из инвентаризации форм вытекает дальнейшая задача — настоятельная необходимость различить и определить их значения, в частности семантическую нагрузку разнообразных глагольных категорий, присущих языку этого и других литературных произведений Киевской Руси. Так, например, нередкий в «Слове» аорист глаголов несовершенного вида давал повод к недоразумениям, пока не было понято его основное значение — полное развитие действия.

Ничто не противоречит задачам герменевтики более, чем механически буквальный, дословный перевод. Для передачи грамматических средств древнерусского языка нередко приходится в современной речи прибегать к средствам лексическим. Некоторые слова памятника точнее всего переводятся словосочетаниями (12 «похоть» — «пылкое или страстное желание») и обратно — прежнему словосочетанию может в нашем языке соответствовать одно слово (99 «дебрьски сани» — «дровни»).

В интерпретации и переводе «Слова» наш семинарий особенно стремился положить конец ходовым отождествлениям древних синтаксических, морфологических и словарных единиц с современными русскими формами и словами, внешне одинаковыми, но несходными по значению. Например, сохраняя порядок слов подлинника, переводчик тем самым может исказить текст, потому что место слов в некоторых сочетаниях значительно изменило свою функцию. В современном русском языке по сравнению с языком